

*Рассказ А. П. Чехова «Каштанка» в
«Нортоновской книге о дружбе»*

Спачиль О.

Опубликованная в 1991 г. «Нортоновская книга о дружбе» задумывалась с целью вернуть в центр внимания литературную тему дружбы между людьми. Книга не была отрецензирована в советских или российских филологических изданиях. Рональд Шарп и Юдора Уэлти, два редактора-составителя книги, отобрали более 270 отрывков, представляющих различные культуры и исторические эпохи. Антология включает рассказы, легенды, письма, очерки – все, что рассказывает о дружбе в ее многообразии и сложности. Юдора Уэлти, давняя поклонница, буквально влюбленная в русского писателя, настойчиво искала рассказ А. П. Чехова и в конце концов предложила рассказ «Каштанка». После обсуждения и по обоюдному согласию рассказ был включен в антологию, хотя он и нарушал первоначальное определение дружбы, принятое составителями книги: дружба как отношения между людьми. Главным героем рассказа является собака, которая демонстрирует безусловную дружбу и верность. Бывшие владельцы Каштанки не проявили должного чувства ответственности и были довольно жестоки по отношению к животному. Собаки в произведениях Чехова наделены человеческими качествами и очень часто лучше, чем большинство персонажей-людей. В предлагаемой статье анализируется выбор «Каштанки» для антологии как пророчество о нашем времени, когда под давлением общества потребления и тоталитарных режимов собаки остаются единственными верными и преданными друзьями для людей. «Нортоновская книга о дружбе» – достойная внимания попытка двух американских интеллектуалов и известного издательства вернуть дружбе высокий статус, который она утратила в конце XX – начале XXI века.

Нортоновские антологии – неотъемлемая часть корпуса книг, обязательных в каждом вузе США. Некоторые из них, в частности «Нортоновская антология английской литературы» («Norton Anthology of English Literature»), первое издание – весна 1962 года, признаны лучшими в мире (число проданных копий на сегодняшний день составило 8,5 млн.). К бумажным вариантам добавляются электронные приложения, и книги продолжают оставаться актуальными и востребованными. Девятое издание «Нортоновской антологии английской литературы» («Norton Anthology of English Literature») вышло в шести томах [Макаров].

Само по себе издательство «В. В. Нортон и компания» – явление довольно примечательное. Основанное в 1923 году, оно носит имя первого председателя компании. Рядом с Вильямом Вордером Нортоном (William Warder Norton) (1891-1945) была его супруга и соратник Мэри Дауз Хертер Нортон (1894-1895). После смерти мужа она предложила всем сотрудникам стать совладельцами. С начала 1960-х «В. В. Нортон и компания» известно как предприятие, которым полностью владеют сотрудники (employee-owned). Сегодня это процветающий книгоиздательский бизнес, штаб-квартира находится на Пятой Авеню в Нью-Йорке.

«В. В. Нортон» отдал должное творчеству А. П. Чехова: ему было посвящено несколько изданий. В 1979 году увидела свет 369-страничная антология рассказов Чехова, ее составитель Ральф Мэтло (Ralf E. Matlaw) включил в книгу, кроме рассказов, избранные письма и критические статьи [Chekhov, 1979]. В 2005 году вышла антология пьес А. П. Чехова в переводе и под редакцией Лоуренса Сенелика (Laurence Senelick) [Chekhov, 2005]. А в 2014 году под редакцией Кэти Попкин (Cathy Popkin) – еще одна антология, теперь уже на 700 страниц, включавшая новые переводы рассказов писателя, его биографию, избранные письма и критические статьи [Chekhov, 2014].

В 1986 году с предложением создать антологию под названием «Дружба» в издательство обратился американский писатель, критик, университетский преподаватель Рональд А. Шарп (Ronald A. Sharp, род. в 1945 г.). В этом же году у Шарпа вышло филологическое исследование «Friendship and Literature: Spirit and Form» («Дружба и литература: дух и форма», здесь и далее перевод наш. – О. С.) [Sharp, 1986]. Рональд Шарп в эти годы вел семинар в университете штата Огайо Кенион Колледж (Kenyon College) по литературе о дружбе и давно вынашивал мысли о книге, в которой дружба будет воспета и поднята на ту высоту, которую она утратила в современном американском обществе. Критик и университетский профессор со всеми основаниями заявлял, что отсутствие дружбы как темы в современной культуре вообще и литературе в частности обедняет эмоциональный мир человека. Защищая идею создания антологии, Шарп считал непростительной ситуацией, когда тема дружбы вытеснена в сферу популярной психологии и книг по саморазвитию, в то время как еще до середины XX века она была магистральной в литературе для взрослых и детей. Издатели поддержали идею, вторым составителем антологии была приглашена Юдора Уэлти (Eudora Welty) (1909–2001). Дуэт оказался идеальным во всех отношениях. Шарп и Уэлти были к этому моменту давними и добрыми друзьями, а различия в поле, возрасте, профессиональных занятиях, литературных пристрастиях и культуре (северянин и южанка) оказались взаимодополняющими. Работа шла в течение нескольких лет. Шарп регулярно приезжал из штата Огайо к Уэлти в Джексон, штат Миссисипи. Эти встречи доставляли много радости обоим составителям, и в 1991 году вышел увесистый том (622 страницы) антологии «The Norton Book of Friendship» («Нортоновская книга о дружбе») [The Norton Book of Friendship]. Объединяло редакторско-составителей их трепетное отношение к дружбе как непреходящей ценности и опоре человеческих отношений. Сюзанн Маррс, биограф писательницы [Marrrs], пишет, что для Юдоры Уэлти работа над этой книгой пришлось на сложный период, когда ушли из жизни многие родные и близкие, а она, все еще в добром здравии и полная творческих сил, испытывала своеобразное чувство вины остающихся (она уже разменяла восьмой десяток!) перед теми, кто ушел, и пыталась укрыться от боли потерь в творчестве. Работа над антологией стала спасением.

Составители приняли для себя рабочее определение дружбы, согласно которому дружба – это отношения между не связанными кровными узами людьми, при отсутствии в них элемента сексуальной привлекательности, наличие взаимного уважения и любви. Дружба, по мнению составителей, может, безусловно, существовать и между супругами, любовниками, родителями и детьми, но такие отношения не рассматривались: «Though it is not inappropriate to imagine friendship between lovers, or between parents and children, or between husbands and wives, we have by and large emphasized nonsexual relationships of mutual regard and affection between people who are not kin» [Sharp, 1991, с. 29].

Подбор примеров дружбы не был ограничен ни хронологическими, ни жанровыми, ни культурными или языковыми рамками, но романы, как цельные произведения, в антологию не включались принципиально, поскольку они представляют из себя законченное целое. Работа продолжалась более двух лет.

Выбор составителей отмечен широчайшим охватом имен: стихи поэтов от Сафо, Гомера, Ван Вэя до Шекспира, Бена Джонсона, Роберта Бернса, Льюиса Кэрролла и Роберта Фроста; эссе Аристотеля, Цицерона, Френсиса Бэкона и Самуэля Джонсона; письма писателей и музыкантов друг другу, их мемуары и воспоминания о друзьях, басни, легенды, рассказы. Русские писатели представлены перепиской Ивана Тургенева с Гюставом Флобером, письмами Анны Ахматовой к Борису Пастернаку, рассказом Льва Толстого «Три старца». Всего в книгу вошло более 270 произведений.

Собранные в книге поэтические и прозаические отрывки из переписки, рассказы, эссе и стихотворения от античности до наших дней очень интересны, но их появление в антологии вполне предсказуемо. Неожиданностью явилось включение рассказа А. П. Чехова «Каштанка». Рассказ включен, напомним, вопреки принятой изначально дефиниции дружбы, где

имелись в виду отношения между людьми: беспородная Каш- танка – животное. Что же послужило обоснованию такого выбора и кто явился его инициатором?

В предисловии к антологии сказано, что все включенные произведения в начале отбирались каждым из составителей отдельно, а затем по взаимному согласию включались в книгу. Мы предполагаем, что инициатором обращения к творчеству А. П. Чехова была Юдора Уэлти. У нас есть для этого довольно веские основания.

К этому времени, в 1977 году, Уэлти написала эссе «Reality in Chekhov's Stories» («Действительность в рассказах Чехова») [Welty], ставшее с тех пор классикой американского чеховедения. В интервью различным изданиям писательница неоднократно говорила о своей любви к Чехову, настаивая на том, что ее чувство очень личное и глубокое, что она считает Чехова своим, близким современному миру, близким американскому Югу и близким лично ей: «Chekhov is one of us - so close to today' s world, to my mind, and very close to the South...» [Conversations, с. 74]. Цитата из ее интервью стала афоризмом: «Читать Чехова для меня - то же самое, что слушать пение ангелов» («Reading Chekhov was like the angels singing to me» [Там же, с. 195]). В интервью литературному журналу 22 июня 1980 года Юдора Уэлти говорит: «Я научилась многому у Чехова» («And I' ve learned a great deal from Chekhov» [Там же, с. 280]). На вопрос Патриции Уитли в интервью 1986 года, есть ли авторы, которые захватывают ее полностью, Уэлти ответила: «Да, есть те, к которым я возвращаюсь снова и снова. Я люблю Чехова, думаю, что люблю больше всего на свете и перечитываю его все время» («Oh, yes. The ones I return to again and again. Well - I love Chekhov, I think, above everyone in the world, and keep going back to read him» [More Conversations, с. 135]).

Любовь Уэлти к Чехову была поистине безграничной. В домашней библиотеке писательницы были все переводы и издания произведений писателя, вышедшие на то время [Спачиль]. На полочке в спальне писательницы, над рабочим столом, где стояли фотографии близких друзей, первым стоял портрет Чехова. Включение в антологию рассказа Чехова – признание в вечной дружбе и преданности американки русскому писателю, умершему за пять лет до ее рождения.

На фотографии, сделанной в 1970-е годы, Юдора Уэлти за работой в своей спальне, одновременно служившей и кабинетом. Сегодня эту открытку можно купить в доме-музее писательницы.

Итак, Чехов, любимый Уэлти, безусловно, не мог не рассматриваться как «кандидат» в антологию. Однако есть нечто и в самом рассказе, что заставило составителей забыть о строгой дефиниции дружбы и сделать исключение для чеховской дворянки.

Особенности чеховских собак обратили на себя внимание известного исследователя творчества классика А. П. Чудакова. Если в предшествующей литературной традиции (Тургенев, Гончаров) собаки в основном характеризуют своих хозяев, то у Чехова они «представляют для автора самостоятельный интерес и вполне бы могли дать достаточный материал для трактата „Псы у Чехова"» [Чудаков, с. 514]. Одной из удачных попыток развить предложенную тему является статья Э. Д. Орлова «Собачьи истории», где дано полное описание мелиховских собак [Орлов]. Собаки в произведениях А. П. Чехова почти всегда наделены индивидуальным нравом и темпераментом. Н. А. Дмитриева так выразила эту мысль: «в качестве эпизодических лиц они по являются очень часто и почти всегда обладают собственными характерами: умные и глупые, добрые и злые, флегматики и сангвиники» [Дмитриева, с. 159].

Отмечает равновеликость героя-собаки персонажам-людям и Юдора Уэлти: «Thus he [Chekhov. – О. С.] dared to make himself free to enter the body, spirit, mind and heart of a character, and free of any crippling wish to use him as a spokesman for himself, or as a moral example, or as a scapegoat. <...> even a little dog being trained for a music-hall act.» [Welty, 69] («Чехов не боялся войти в тело, в душу, ум и сердце персонажа и был свободен от вредоносного желания использовать его как собственный рупор, или в качестве примера для назидания, или как козла отпущения, <...> даже если это маленькая собачка, которую дрессируют для цирковых выступлений»).

Марена Сендерович называет рассказ «Каштанка» условной имитацией психологии собаки, ее переводом на человеческий язык [Сендерович]. Иранские исследователи рассматривают историю Каштанки как метафору человеческих метаний между землей предков и новым, необжитым местом, куда человека забрасывает жизнь или куда он может быть вытеснен по геополитическим причинам [Rezazade]. Подобные примеры можно множить, но суть ясна: Каштанка - литературная проекция, метафора человеческих проблем и эмоций.

Рассказ «Каштанка», написанный в 1887 году, имеет свою богатую библиографию. Ему посвятили отдельные статьи многие известные чеховеды в России, Латвии, Иране, США. В. Б. Катаев назвал его «наряду с тургеневской «Муму» самым известным в русской литературе рассказом о приключениях собаки» [Катаев, Каштанка, с. 107]. Анализируя исследования М. Л. Семановой и С. Я. Сендеровича, В. Б. Катаев приходит к выводу, что долгое время именно идеологическая доминанта определяла в конечном счете толкование чеховского рассказа: «За век с небольшим после своего появления на свет кем только не представлялась эта добродушная помесь таксы с дворняжкой в изображении ученых интерпретаторов: выразительницей классового сознания и носительницей тоталитарного менталитета, воплощением то революционного, то эволюционного пути развития и даже тайной эротоманкой...» [Катаев, 2004, с. 180].

Размышляя о гоголевских мотивах у Чехова, А. Г. Головачева выделяет, условно говоря, «собачью» тематику. По наблюдениям исследовательницы, гоголевское метафорическое художественное мышление свободно сопоставляет псов и людей, усматривая бесконечные основания для сходства и противопоставления их внешности, действий и поступков. Рассмотрено обыгрывание фразеологизма «сукин сын» у Гоголя, Чехова и далее у Булгакова. Статью заключает следующий пассаж: «В долгих чеховских размышлениях, отмеченных многими мемуаристами, возникали порой самые неожиданные параллели между людьми и собаками. И часто основой таких сопоставлений оказывался характерный гоголевский прием развернутого сравнения» [Головачева, с. 110-111]. Как идеальный пример такого развернутого уподобления, характерного для Чехова, приведем отрывок из мемуаров Бунина. Запомнилось писателю высказывание, которое он часто слышал от Антона Павловича: «Часто говорил: – Никому не следует читать своих вещей до напечатания. Никогда не следует слушать ничьих советов. Ошибся, соврал, – пусть и ошибка будет принадлежать только тебе. В работе надо быть смелым. Есть большие собаки и есть маленькие собаки, но маленькие не должны смущаться существованием больших: все обязаны лаять – и лаять тем голосом, какой господь бог дал» [Бунин, с. 484].

Н. В. Гоголь, ни тем более А. П. Чехов, безусловно, не являются первооткрывателями «собачьей» тематики. Существует богатая литературная традиция, восходящая еще к басням Эзопа. Запрос в Интернете на тему «собаки в художественных произведениях» дает все время пополняющуюся подборку (на момент просмотра там было 226 книг) произведений зарубежных и российских писателей, героями и персонажами или даже повествователями которых стали собаки [Собаки.].

Эмоциональный мир собак-персонажей Чехова богат и совпадает с человеческим по своей сложности и разнообразию. Главное отличие собак от людей в том, что собаки лучше, они не предадут, не подличают, не изменяют. Собака у Чехова – одна из основных метафор человека: начиная от ласкового обращения к жене («милая моя собака», «рыжая собака», «собака ты этакая», «скучаю без собаки» [Переписка, с. 114, 126, 136, 146]) и ответной многократно повторяющейся самономинии О. Л. Книппер «твоя собака» [Там же, с. 218, 219, 221, 223, 225 и т. д.], заканчивая авторскими афоризмами типа: «Голодная собака верует только в мясо» [Чехов, т. 17, с. 44]. Собака для писателя - нравственный камертон: «Хорошему человеку бывает стыдно даже перед собакой» [Там же, с. 31]. Неслучайно одна из многих пословиц, попавших в записную книжку писателя, также относится к собакам: «Пословица: попал в стаю, лай не лай, а хвостом виляй» [Там же, с. 46].

Чеховская Каштанка проявляет себя человекоподобным, совершенно адекватным, мыслящим существом: она думает, вспоминает, имеет свое мнение, привыкает, обижается,

радуется, испытывает отчаяние и ужас, ей становится жутко, она грустит и скучает. Безродная псина застывает от удивления и восторга, она знает все оттенки выражения лица и голоса хозяина, ей снятся сны, приятные и страшные, она даже просыпается от страха, ей хочется плакать. Время течет для Каштанки также психологично, как и для человека: незаметно, когда она занята («Благодаря массе новых впечатлений день прошел для Каштанки незаметно...») [Чехов, т. 6, с. 438]) или быстро засыпает: «она знала по опыту, что чем скорее уснешь, тем скорее наступит утро» [Там же, с. 441]. Чтобы убедить читателя, что повествование ведет собака, Чехов использует и неконвенциональный способ передачи времени, который отражает собачью точку зрения на мир. Предложенная единица измерения времени понятна, возможно, только тем, кто знает жизнь животных не понаслышке: «Прошло немного времени, сколько его требуется на то, чтобы обглодать хорошую кость...» [Там же].

Каштанке чудится, что в комнате присутствует кто-то чужой, затем при свете обнаруживается, что в комнате нет постороннего. Свойственная произведениям Чехову ситуация «казалось» – «оказалось» [Катаев. «Казалось» – «Оказалось» ситуация], проживается в рассказе собакой, осязающей присутствие лукавого / смерти как кого-то пришлого, неведомого, вызывающего ужас. Намек на демоническую природу видения содержит сон Каштанки, где ей являются черные собаки:

«Тетка увидела, что в комнатке нет никого постороннего, но ей опять стало чудиться, что в потемках стоит кто-то чужой. Страшнее всего было то, что этого чужого нельзя было укусить, так как он был невидим и не имел формы, почудилось ей что-то такое же тоскливое и страшное, как в крике Ивана Иваныча» [Чехов, т. 6, с. 442] (здесь и далее курсив наш. – О. С.).

Сильные эмоции собаки лишают ее аппетита, она даже отказывается есть припрятанную куриную лапку, только поскуливает тихо, тоненьким голоском.

В тексте рассказа неоднократно упоминаются плохие отношения к псине прежних хозяев. Каштанка почти все время полуголодна, в день, когда она потерялась, то «покушала у переплетчика немножко клейстеру да в одном из трактиров около прилавка нашла колбасную кожуцу – вот и все» [Там же, с. 432]. Новый хозяин щедро кормит Тетку-Каштанку и через месяц она «уже привыкла к тому, что ее каждый вечер кормили вкусным обедом <...> и из тощей, костлявой дворняжки обратилась в сытого, выхолненного пса» [Там же, с. 440]. Тем не менее воспоминания о тех, кому она отдала свою преданность, продолжали беспокоить Каштанку, она видит в снах тех, кого она «где-то когда-то видела и любила... А засыпая, она всякий раз чувствовала, что от этих фигурок пахнет клеем, стружками и лаком» [Там же]. В христианской культуре мотив еды прочно связан с соблазном и моральным падением. Так, канон, читаемый в церкви в канун недели сыропустной, «Воспоминание Адамова изгнания из Рая», прямо говорит, что причиной изгнания послужила снедь: «Изгнан бысть Адам от райския сладости, снедию горькою в невоздержании» [Канон.]. На тарелку чечевичной похлебки променял Исава право первородства в 25 главе Книги Бытия, а первым искушением Христа во время его поста в пустыне было предложение лукавого превратить камни в хлеб. Примечательно, что сытая жизнь у хозяина не соблазнила собаку, она не раздумывая осталась верной своей первой любви и дружбе.

Цирковой клоун, хозяин-дрессировщик, вместо кличек дает животным человеческие имена, да еще и с отчествами, ласкает и целует их, называет своими товарищами:

«Бедный Иван Иваныч! – говорил хозяин, печально вздыхая. – А я-то мечтал, что весной повезу тебя на дачу и буду гулять с тобой по зеленой травке.

Милое животное, хороший мой товарищ, тебя уже нет!» [Там же, с. 443].

Хозяин берет на очередное выступление с собой Тетку-Каштанку, чтобы заменить гуся – покойного Ивана Иваныча. Точно также очеловечен в рассказе кот:

«Федор Тимофеевич в ожидании, когда его заставят делать глупости, стоял и равнодушно поглядывал по сторонам. Плясал он вяло, небрежно, угрюмо, и видно было по его движениям, что он глубоко презирал и толпу, и яркий свет, и хозяина, и себя...» [Там же, с. 448].

Слова покойный, товарищ о животном, погружение в богатый эмоциональный мир незлопамятной Каштанки в конечном счете показывают авторское отношение к определению собаки, данном пьяницей-столяром:

«Ты, Каштанка, насекомое существо и больше ничего. Супротив человека ты все равно, что плотник супротив столяра...» [Там же, с. 431].

В заключительном абзаце рассказа примерно такая же фраза звучит уже как саморазоблачение:

«А ты, Каштанка, – недоумение. Супротив человека ты все равно, что плотник супротив столяра» [Там же, с. 449].

На фоне преданной и разумной собаки недоумением уже выглядит сам столяр.

Многие писатели любили собак и были высокого о них мнения. Саркастичный Амброз Бирс говорил, что люди не заслуживают преданности своих собак. XX век – железный век жестокости и эгоизма – дал миру и таких писателей, которые ограничили круг своего общения собаками, котами, птицами и другими питомцами. Как классический пример такого отношения к животным можно упомянуть Луи-Фердинанда Селина (1894-1961), французского писателя и драматурга, врача по образованию [Лаланн]. Герой повести Г. Троепольского «Белый Бим Черное ухо» сделал добрее не одно поколение читателей не только в нашей стране, но и за рубежом: книга переведена более чем на пятьдесят языков мира и вошла в золотой фонд классики детской литературы. Возможно, включение в антологию «Дружба» рассказа о приключениях потерявшейся дворняжки – невольное пророчество авторов об одиночестве человека в век высоких технологий и тоталитарных режимов, когда единственным существом, на дружбу и преданность которого можно с уверенностью рассчитывать, остается только собака. Здесь, скорее всего, и скрыт ответ на вопрос, почему в домах наших современников появилось так много питомцев-собак. Говоря о художественной прозорливости А. П. Чехова, следует упомянуть и научные открытия, сделанные в XX веке когнитивной этологией и зоопсихологией, убедительно доказывающие наличие у собак высокой рассудочной деятельности.

Возвращаясь к филологии, следует сказать, что, как показали исследования, в чеховских рассказах всегда есть некое происшествие, событие и в то же время присутствует некое назидание. У подробно разработавшего эту особенность поэтики чеховского рассказа В. И. Тюпы читаем: «Новаторство гениального рассказчика состояло прежде всего во взаимопроникновении и взаимопреображении анекдотического и притчевого начал – двух, казалось бы, взаимоисключающих путей осмысления действительности» [Тюпа], далее: «Притчевое и анекдотическое у Чехова друг друга взаимодополняют, взаимопреломляют в изображении одних и тех же персонажей. Это особый путь реалистической типизации, пролагаемый в обход классической традиции русского романа и уводящий в XX век» [Там же]. В контексте американской культуры конца XX века рассказ «Каштанка» прочитан как назидательная история, в которой очеловеченная, добрая собака воплощает лучшие нравственные черты, доминантами которых являются любовь, дружба и преданность.

«Нортоновская книга о дружбе» – смелая попытка в век процветания нарциссизма, беспочвенности, отчуждения и насилия, не впадая ни в слезливую сентиментальность, ни в циничный прагматизм, воспеть дружбу, восстановить утраченную ею позицию центра и главной опоры в нашей литературе и жизни. Примечательно, что русская словесность в антологии представлена рассказом А. П. Чехова «Каштанка», в котором составители увидели гимн бескорыстной дружбе и верности.